

Цзи Чанлиню потребовались сутки, чтобы окончательно собраться с духом и пойти на встречу с Нью Гуйлань. Он понимал: реальность уже не изменить. Его сын и Цзян Циншань вместе уже много лет, и любые попытки отца выразить протест лишь добавят Юаньцзину ненужных страданий.

К тому же, пока он всячески изводил Циншаня мелкими поручениями, Юаньцзин вовсе не бросался на защиту своего избранника. Напротив, он с мягкой, довольной улыбкой сидел рядом с отцом, попивая чай и не проронив ни слова в защиту друга. Это грело душу Чанлиня — сын всё еще почитал своего старика превыше прочих.

Наконец настал день, когда главы обеих семей официально сели за стол переговоров.

Едва увидев Чанлиня, Нью Гуйлань невольно отметила про себя:

«И впрямь отец Сяо Цзи, до чего похожи»

Даже в почтенном возрасте Цзи-старший оставался статным, благообразным интеллигентом. Не теряя времени, она поспешила принести свои извинения:

— Брат Цзи, это мой непутевый сын во всем виноват, это он такой неблагодарный. Я его и била, и ругала, да только всё без толку — упрямый как бык. Вы только не гневайтесь, брат Цзи, здоровье-то оно важнее всего.

Что на это мог ответить отец Цзи? Последние крупницы его беспокойства окончательно развеялись. Раньше он опасался, что мать Цзян Циншаня — женщина, прожившая почти всю жизнь в деревне и не видевшая мира — не сможет принять столь необычные отношения и сочтет их ненормальными. Но Нью Гуйлань оказалась на удивление широких взглядов.

— Ну что вы, что вы, — возразил Цзи-старший, тоже принявшись за критику собственного ребенка. — Мой Юаньцзин — тот еще упрямец, с ним тоже хлопот не оберешься. Мальчик он, конечно, хороший, да только на работе своей помешан. Если я не позвоню и не зазову его на обед, он в своей лаборатории сутками готов пропадать, дом родной на пробирки променял. Кроме меня, родного отца, мало кто такой характер вытерпит. Так что это еще вопрос, кому с кем повезло. По мне, так ваш Циншань — отличный парень.

Нью Гуйлань тут же запротестовала. В её глазах доктор Цзи был самосовершенством:

— Брат Цзи, даже не говорите так! Я хоть и простая деревенская женщина, но точно знаю: Сяо Цзи — золото, а не человек. Вы и представить не можете, брат Цзи, как его лекарства выручают людей! В нашей деревне в каждом доме его препараты припасены. А уж как он нам помог с выращиванием трав, как деревню нашу на ноги поднял... Где еще такого святого

ребенка сыщешь? Он рожден для великих дел, и мы не вправе его отвлекать. Если у него времени на обеды не будет — не беда. Я сама буду ему в эту самую лабораторию еду носить. Хотя нет, Сяо Цзи больше всего любит то, что Циншань готовит. Пусть Циншань и носит!

Цзи Чанлинь окончательно расслабился, и морщины на его лбу разгладились. Он видел, что сестрица Цзян (как он стал называть её про себя) искренне восхищается его сыном. Хотя Чанлинь помнил, что на фронте именно мастерство Юаньцзина и доктора Цая спасло Циншаню жизнь, он намеренно не стал упоминать об этом в разговоре. Ему не хотелось, чтобы семья Цзян была добра к Юаньцзину лишь из чувства вечного долга — ведь любая благодарность рано или поздно иссякает.

Так они и сидели, наперебой принижая своих сыновей и превознося чужих. Когда же темы для взаимных упреков и похвал исчерпались, оба замолчали на мгновение, а затем весело рассмеялись. Встреча прошла на редкость удачно. Они решили, что отныне в каждой семье просто стало на одного сына больше — тем более что все друг друга давно и хорошо знали.

Беседа плавно перетекла к обсуждению торжественного ужина, на котором они объявят о союзе детей. Пышное празднество устраивать не планировали, но и оставлять событие без внимания не хотели. К тому же предстояло обсудить вопрос усыновления — как делить заботу о будущих внуках и внучках. Чем дольше они говорили, тем больше симпатии испытывали друг к другу.

Ню Гуйлань, зная о разводе Чанлиня с первой женой, про себя лишь возмущенно цокнула языком:

«Эта женщина была слепа как крот, раз бросила такого замечательного мужчину»

А Цзи-старший отметил:

«Сестрица Цзян хоть и из деревни, но мыслит на редкость здраво и современно. Даже в городе не всякий так поймет. Пожалуй, наши семьи легко уживутся»

Когда зашла речь о том, кого пригласить на ужин, Цзи Чанлинь заволновался. Одно дело — принять выбор сына в кругу семьи, и совсем другое — представить это окружающим. Он боялся косых взглядов и сплетен за спиной Юаньцзина.

Молодой человек, видя тревогу отца, лишь легко улыбнулся:

— Папа, не бери в голову. Я составлю список гостей, чтобы мы не сидели вчетвером.

Он быстро набросал несколько имен: наставник Чжан Хэлю, старый друг Хэ Цзиньдун (вторая

пара стариков жила не в Пекине, поэтому их тревожить не стали), коллеги — директора Цай и Цзян, а также помощники из лаборатории и управляющие базами по выращиванию трав.

В список также вошли старые товарищи по производственной бригаде «Красная Звезда». Чэнь Цзяньхуа и Ма Лили остались в Пекине и часто виделись с Юаньцзином, они давно догадывались о его отношениях с Циншанем. Доктор Цзи также подумывал пригласить Линь Дуна, хотя сомневался, что тот сможет выкроить время в своем плотном графике.

Юноше было решительно всё равно, что о нем подумают. Чем выше он поднимался по социальной лестнице, тем меньше у людей оставалось смелости на открытое осуждение. Даже если за глаза его считали безумцем, в лицо ему неизменно кланялись с почтением. Что же касается учителя Чжана, то тот на своем веку повидал всякого, сам остался холостяком и вряд ли бы стал осуждать выбор любимого ученика.

Цзян Циншань тоже подготовил свой список: боевые товарищи и бывшее начальство. Он никогда не собирался скрывать свою связь с Юаньцзином и готов был открыто заявить о ней, даже если это поставит крест на его карьере.

Если родине потребуется, он снова пойдет в бой, но в остальном его приоритеты изменились. Сын Цзи делает великое дело для страны, и Циншань решил, что его долг — стать для него надежным тылом. Он не позволит любимому человеку губить здоровье в лаборатории, забывая об обедах.

В итоге по обоим спискам набралось гостей на пять-шесть столов. Цзи Чанлинь сначала хотел устроить прием дома, в сыхэуане, но быстро понял, что места не хватит. Он спешно забронировал малый зал в недавно открывшемся ресторане и разослал всем гостям официальные приглашения.

Чжан Хэлю, получив приглашение из рук ученика, довольно рассмеялся:

— Наконец-то! Давно я ждал возможности выпить за твой союз, Юаньцзин.

— Учитель, — с улыбкой ответил юноша, — на банкете прошу вас присмотреть за моим отцом. Боюсь, он может разволноваться и не со всем справиться в одиночку.

— Договорились. А теперь ступай, разноси остальные приглашения, — наставник шутливо выставил его за дверь. Глядя на этих двоих в последние годы, он давно всё понял. Как врач, Чжан Хэлю видел в жизни больше, чем отец Юаньцзина, и хотя многие подобные истории в его практике заканчивались трагично, он был уверен: его ученик добьется своего счастья.

Остальные приглашенные, узнав, в чем дело, реагировали по-разному. Но какими бы ни были их истинные мысли, на словах все обещали непременно быть и поздравить молодых. Втайне, конечно, пошли пересуды: образованный юноша Цзи не лгал, когда говорил, что у него есть любимый человек, просто пол этого человека оказался весьма неожиданным.

Кто-то восхищался его смелостью — при такой внешности и статусе он мог выбрать любую красавицу, но остался верен себе. Кто-то втихомолку презирал его, считая «извращенцем», скрывавшимся за маской добродетели. Но в день торжества все они — и искренние друзья, и тайные недоброжелатели — явились с подарками и улыбками на лицах. Спорить с авторитетом Цзи Юаньцзина не решался никто.

Тао Юнго был счастлив больше всех. Он так долго ждал этого дня, что первым примчался в сыхэюань вместе с женой и дочкой, чтобы вместе с семьями Цзи и Цзян отправиться в ресторан. Его супруга, Сун Айли, была военным врачом, они поженились прямо на фронте в ходе коллективной свадьбы, и теперь у них подрастала очаровательная малышка.

Айли благодаря мужу была вхожа в дом Юаньцзина и давно знала правду. Юнго не раз ворчал ей на ухо, что Циншань слишком долго тянет с официальным признанием, поэтому семьи Тао и Пань Цзяньцзюня пришли с самыми искренними поздравлениями.

В этот день Цзян Циншань сменил военную форму на элегантный черный костюм, сшитый специально по заказу Юаньцзина. Сам же доктор Цзи предстал в белоснежном костюме. Когда они встали рядом, у многих гостей перехватило дыхание от того, насколько гармонично они смотрелись.

— Послушай, — шепнула Сун Айли мужу, — мне всё кажется, что наш брат Цзи слишком хорош для Циншаня. Он ведь красивее любых кинозвезд.

— Тише ты! Наш Циншань тоже парень видный. Они идеально дополняют друг друга.

Айли не совсем разделяла его мнение. Циншань слишком почернел на солнце, а кожа Юаньцзина была белой как фарфор, что вызывало у неё легкую зависть. Впрочем, раз Брат Цзи доволен, то и ей сказать нечего.

Когда обе семьи уже были готовы выходить, в доме раздался телефонный звонок. Цзи Чанлинь поспешил снять трубку. Вернувшись к гостям, он выглядел озадаченным, а его брови слегка сошлись на переносице.

— Папа, что случилось? — спросил Юаньцзин, заметив перемену в его лице.

— Юаньцзин... — Цзи Чанлинь вздохнул, его голос дрогнул. — Ты помнишь, я рассказывал о наших родственниках, что уехали за границу?

Юноша замер в удивлении. Подошедший полковник Цзян, уже привычно приобняв партнера за плечи, вступил в разговор:

— Папа, — он уже начал называть Чанлиня так, — кто-то вернулся? Тот дядя, о котором говорил Юаньцзин, или кто-то другой?

История семьи Цзи в прошлом была полна хитросплетений. Цзи Чанлинь вырос в Пекине с матерью, в юности учился за границей и всегда был человеком науки. Его отец, напротив, постоянно колесил по миру, занимаясь делами, и забрал с собой младшего сына. В те годы ситуация в стране была крайне сложной, к тому же дед Юаньцзина не отличался постоянством — у него было несколько наложниц. Бабушка Юаньцзина всю жизнь посвятила сыну, и со временем те, кто плохо знал семью Цзи, стали считать их просто вдовой с ребенком.

Перед образованием КНР дед увез свою новую семью в Гонконг, а оттуда — в Америку. Он думал забрать Чанлиня с матерью позже, но обстоятельства разлучили их на тридцать с лишним лет. Бабушка давно ушла из жизни, деда в Америке тоже не стало. Но перед смертью старик, истосковавшись по родине и старшему сыну, завещал младшему непременно вернуться и найти брата. Он оставил Чанлиню значительную часть наследства, а в случае его смерти — его потомкам.

Конечно, всех этих подробностей Чанлинь и Юаньцзин пока не знали. Появление Цзи Шухуа напомнило Юаньцзину, что сюжетная линия оригинальной истории продолжает развиваться.

— Папа, так второй дядя вернулся? Он в Пекине? Если так, почему бы не позвать его на наш ужин?

Юноша не знал, как относиться к этому родственнику. В оригинале и отец, и сын, и этот дядя были лишь ступенями к успеху главного героя — президента Чжэна. Каким человеком был Цзи Шухуа на самом деле? Стоит ли его принимать? Юаньцзин решил, что нужно сначала увидеть его, а не судить по обрывкам старой истории. Если дядя действительно так пекся о Чжэн Хуа, то как он мог годами не замечать правды о его происхождении?

Чувства Цзи Чанлиня к брату, которого он не видел десятилетиями, были сложными. Они и в юности-то редко виделись из-за разъездов отца — откуда взяться глубокой привязанности? Более того, именно из-за этой родственной связи Чанлинь провел тяжелые годы на ферме. И хотя без доноса Чжэн Дали его, возможно, и не тронули бы, факты оставались фактами: заграничное родство принесло ему немало горя.

Но винить во всем брата было бы несправедливо. Всё это — лишь капризы судьбы. Они оказались в Америке не по своей воле, а связь прервалась из-за железного занавеса. Отца уже нет, у брата там своя жизнь и своя семья. Их отношения не могли не стать прохладными. Чанлинь немного помолчал и сказал:

— Хорошо, Юаньцзин, пусть будет по-твоему. Если они захотят прийти — встретим их с радостью. А если нет — так тому и быть.

Для него это тоже был шанс понять, с какими намерениями брат вернулся на родину.

Цзи Чанлинь вернулся в дом и перезвонил по оставленному номеру.

В это время в номере гостиницы Цзи Шухуа сидел, сжимая в руке трубку, в которой уже звучали короткие гудки. Его младший сын, вернувшийся вместе с ним, с любопытством наблюдал за отцом.

— Пап, ты чего? Будто привидение увидел. Удалось связаться с дядей?

Шухуа пришел в себя, но взгляд его оставался отсутствующим.

— Сяо Юй... — пробормотал он. — Твой дядя пригласил нас на ужин. Это свадебный пир твоего кузена... и другого мужчины.

Прямолинейность брата по телефону лишила его дара речи.

Цзи Миньюй подскочил на месте:

— Обалдеть! Мой кузен такой продвинутый? Нашел себе парня? И дядя не только не против, но еще и банкет закатил?

Миньюй вырос в Штатах, и его взгляды были весьма либеральными. Однополые отношения для него не были новостью, он и сам знал таких людей. Но он был уверен, что в Китае нравы консервативны до крайности и таких здесь считают безумцами.

— Не мели чепухи! — оборвал его отец. — Что это еще за мода — мужик с мужиком?

Но Миньюй было всё равно. Как младший и любимый ребенок в семье, он принялся подстрекать отца:

— Пап, раз дядя зовет, надо идти! Ты же столько лет мечтал о встрече. Такой случай выпадает раз в жизни.

Цзи Шухуа понимал, что у него нет никакого права осуждать брата или его сына. Он вздохнул, провел рукой по лицу и скомандовал:

— Быстро переодевайся, едем.

Цзи Миньюй в предвкушении потирал руки. Он надеялся увидеть на банкете нечто из ряда вон выходящее, но когда они добрались до ресторана, реальность оказалась совсем иной.

Они приехали в спешке, едва узнав адрес. Им было известно лишь то, что Цзи Чанлинь по-прежнему преподает в университете. Других подробностей о жизни столичных родственников они собрать не успели.

Глаз Цзи Шухуа был куда опытнее, чем у сына. Он мгновенно оценил состав гостей: почти половина была в военной форме, и звания их были весьма высокими. Вторая половина была одета просто, но по их выправке и манерам легко было угадать людей непростых.

Цзи Чанлинь, увидев брата, не смог сдержать чувств. Десятилетия разлуки, почтенный возраст... Все старые обиды и недоразумения в этот миг показались ничтожными.

— Брат... ты наконец-то вернулся.

— Старший брат... Мы оба совсем состарились.

Братья обнялись со слезами на глазах. Цзи Миньюй стоял рядом, не испытывая особого трепета — дядя был для него чужим человеком. Шухуа похлопал сына по плечу:

— Это мой младший сын, Цзи Миньюй. Миньюй, поприветствуй дядю.

— Здравствуйте, дядя! — вежливо поздоровался парень.

Чанлинь просиял:

— Хороший мальчик. Вот, прими от дяди в знак нашего знакомства, — он всучил племяннику заранее приготовленный «хунбао» и позвал: — Юаньцзин, Циншань, идите сюда, познакомьтесь с дядей и кузеном.

Юноша и Циншань, оставив гостей, поспешили к ним.

— Поздоровайтесь с дядей, — скомандовал отец.

— Здравствуйте, второй дядя, — почтительно произнесли оба.

— Это ваш младший брат Миньюй. А это, Шухуа, мой сын Юаньцзин и мой зять... его супруг Цзян Циншань.

— Здравствуй, брат Миньюй, — добавили молодые люди.

У Миньюя возникло то же чувство неловкости, что и у его отца. Он сжимал в руках красный конверт и во все глаза смотрел на кузена. Тот был невероятно хорош собой, но от него

исходила какая-то необъяснимая аура силы. А уж когда дядя представил второго мужчину как «супруга», Миньюю захотелось присвистнуть от удивления.

Но терять лицо было нельзя, и Миньюй, собравшись, ответил:

— Привет, кузен Юаньцзин. Привет, брат Циншань. Рад знакомству.

Цзи Чанлинь довольно улыбнулся:

— Раз уж вся семья в сборе, давайте к столу. После банкета поедете к нам — раз уж вернулись на родину, незачем по гостиницам мыкаться.

— Хорошо, брат, как скажешь, — Цзи Шухуа еще не успел переварить всё увиденное, поэтому просто позволил вести себя за стол.

Они сидели за столом в некотором оцепенении, пока гости подходили поздравлять их с воссоединением семьи. Чем дольше Шухуа беседовал с присутствующими, тем больше росло его изумление. Жизнь его брата и племянника была вовсе не такой жалкой, как он себе представлял. Одни только связи в этом зале внушали трепет.

Впрочем, Цзян Циншаню было всё равно, кто и что думает. Весь вечер он светился от счастья, не в силах сдержать улыбку. Его боевые товарищи даже начали делать вид, что не знают этого человека — влюбленный полковник Цзян совсем не походил на того сурового командира, которого они привыкли видеть. Немного сдержанности ему бы не помешало!

Если бы не вмешательство Юаньцзина, друзья непременно напоили бы Циншаня до беспамятства — уж очень им хотелось поглядеть, как он будет дебоширить. Но стоило доктору Цзи подать голос, как все мгновенно притихли.

Шутки шутками, а связываться с ним никто не рисковал. При всей своей доброжелательности Юаньцзин мог так применить свои иглы, что мало не показалось бы. Многие из присутствующих уже испытали на себе его мастерство акупунктуры золотыми иглами. К тому же все помнили, что он хирург, и мысль о человеке, который хладнокровно вскрывает плоть скальпелем, внушала невольный трепет.

Когда банкет подошел к концу, Юаньцзин и Циншань попросили Тао Юнго и Пань Цзяньцзюня помочь с машинами для гостей, а сами повели Цзи Шухуа и его сына в свой сыхэюань.